

Ну же, господин, прошу за этим старым слугой, — низко склонив голову, пригласил главный управляющий Хэ.

Лань Сяочуань с мольбой о помощи посмотрел на Чао Чимина. Он совершенно не понимал, что творится в голове у Императора, и еще меньше понимал, как дошел до жизни такой. Согласно его планам, он должен был оставаться преданным своему делу тeneвым стражем, и все три последние годы он справлялся с этой ролью безупречно. Однако события последних двух дней перевернули всё с ног на голову, и его жизненный путь сошел с привычных рельсов.

Лань Сяочуань с трудом выбрался с Драконьего ложа. Он сидел в самом его венец, а Чао Чимин, стоявший снаружи, преграждал ему путь. Спускаясь, Лань Сяочуань по неосторожности запутался в шелковом одеяле, и если бы не доброта Чао Чимина, который вовремя приподнял его за ворот, падения было бы не избежать.

Лань Сяочуань тут же повернулся и тихо поблагодарил Императора:

— Благодарю Вас, Император.

Он не забыл отыскать на полу свою маску, надел ее и только после этого вышел — лица тeneвых стражей никому не дозволено видеть.

Следуя за главным управляющим Хэ, Лань Сяочуань всю дорогу выслушивал намеки, которые Хэ Вэйцин наконец не вытерпел и озвучил:

— Скажите, Лань Тeneвой Страж, это была воля Императора? — спросил он иносказательно.

Если дело обстоит так, ему следовало бы побыстрее раздобыть для господина Ланя несколько картинок-руководств, иначе, не умея как следует услужить Императору, господину Ланя придется несладко.

Стоило ему вспомнить, что гарем пустовал столько лет и вот-вот обретет первого хозяина, как его охватывало волнение. Пусть Лань Сяочуань и не соответствовал ожиданиям — не был дочерью влиятельного сановника, а являлся тeneвым стражем да к тому же мужчиной — всё же, даже если Император решит обласкать мужчину, железное дерево наконец расцветет, и главный управляющий верил, что вскоре придут благие вести.

— Конечно нет, я просто пришел согреть императорское ложе, — ошеломленно посмотрел на главного управляющего Лань Сяочуань. — Главный управляющий Хэ, мне ведь еще репутацию беречь! Если вы так говорите, то из-за вас я потом жену не найду и придется мне просить вас сосватать мне кого-нибудь. — Рассуждал Лань Сяочуань. Кто же не любит красавиц? Ему нравились нежные барышни из хороших семей, с длинными ногами и кротким нравом, а если у них к тому же пышная грудь — вообще прекрасно.

Лань Сяочуань собирался вернуться в свою каморку, чтобы искупаться.

В этот момент в комнате оставалось гореть лишь одно масляное утиное лучинное пламя. Чао Чимин сегодня немного утомился; пока молодой теневой страж ходил мыться, он забрался на Драконье ложе, и стоило ему почувствовать наваливающийся сон, как он тут же смежил веки.

Кто же знал, что обычно сообразительный теневой страж в этот раз окажется до жалостного бестолковым.

— А ну полезай наверх! — сдерживая раздражение, приказал он.

— Раз уж ты назначен согреть ложе Императора, то ты здесь хозяин, с какой стати тебе снова возвращаться туда и мыться? К тому же Император не любит грязь, так что ступай за старым слугою к Бассейну Белого Нефрита. Там вода подогревается подземными печами, живо приводи себя в порядок и не заставляй Императора ждать, — заявил главный управляющий Хэ.

Хозяина у задних покоев еще не было, поэтому для наложниц ничего не подготовили, и оставалось лишь отвести Лань Теневого Стража к Бассейну Белого Нефрита, которым обычно пользовался сам Император.

Услышав низкий, хриплый голос, в котором сквозило нетерпение, Лань Сяочуань не смел медлить и снова наступил на ногу Чао Чимину — уже в который раз за вечер. Обо всем этом он не имел ни малейшего понятия.

Лань Сяочуань испуганно прижался к одеялу и поплелся следом.

Чао Чимин уже лежал в постели. Лань Сяочуань бросил взгляд на человека под одеялом и недоуменно протянул:

— Император, разве не вы просили подчиненного согреть ложе?

Император и сам прекрасно согрел постель, зачем же ему понадобилось кого-то звать?

— Иди сюда.

— Полезай же наверх! — снова рявкнул потерявший терпение Чао Чимин.

— Моя спальня вон там, я не перепутал дорогу, — захлопал глазами Лань Сяочуань, глядя на него с полным непониманием.

Лань Сяочуань не смел больше тянуть время, тут же прихватил свое одеяло и нечаянно наступил на выглядывающую ногу примостившегося с краю Чао Чимина.

Попросить у него подушку взаймы — в конце концов, император не должен быть таким

мелочным?

— Ой, — Лань Сяочуань испугался последней фразы и послушно поплелся за главным управляющим к Бассейну Белого Нефрита.

— Если ты опоздаешь и Император разгневается, твою жизнь не спасти, — увещевал Хэ Вэйцин.

Теневые стражи жили в большом общем дворе, где у каждого была отдельная крошечная комната, а купальни полагались общие.

Заметив, что Лань Сяочуань шагает совсем не в ту сторону, Хэ Вэйцин поспешно подбежал к нему:

— Лань Теневой Страж, ты идешь не туда!

Он выделял этого Лань Теневого Стража среди прочих — в конце концов, среди стражей тот был самым несговорчивым, вернее, наоборот, самым уступчивым. С момента восшествия на престол нрав Императора сделался диким и переменчивым, он то и дело наказывал евнухов, и лишь Лань Теневой Страж соглашался помогать ему и прислуживать.

Бассейн Белого Нефрита поражал своими размерами: в нем с легкостью уместился бы не только он один, но и несколько сотен человек, решивших искупаться в горячем источнике, и еще осталось бы полно места.

— Иди сюда, — процедил сквозь зубы император.

Чао Чимин чувствовал, что его терпение подходит к концу. Он распахнул свои соколиные очи, и острые ледяные клинки его взгляда полоснули Лань Сяочуаня по меньшей мере раз десять. Заметив, что парень приволок с собой безвкусно-красное пошлое одеяло, он подавил желание с досадой потереть переносицу и с трудом сдерживаемым терпением осведомился:

— Зачем ты притащил это?!

На Драконьем ложе уже лежали две большие подушки и одеяло, но он опасался, что Чао Чимин побрезгует делить с ним постель. Погода стояла холодная, и он попросил главного управляющего Хэ раздобыть новое одеяло.

В итоге, когда он уже почти засыпал, до его слуха донеслись шаги. Чао Чимин обладал чутким чутким сном, и малейший шорох мог его разбудить; не удержавшись, он приподнял веки и увидел того самого дневного глуповатого стража.

Лань Сяочуань впервые мылся в этом бассейне и чувствовал себя крайне неудобно. Закончив купание и облачившись в одежды, выданные главным управляющим Хэ, он вернулся в Зал

Юнхэ.

— Подчиненный боялся замерзнуть без одеяла, поэтому самовольно принес его с собой. Прошу Императора покарать меня. — Лань Сяочуань тут же опустился на колени прямо на постели и принялся бить поклоны в сторону Чао Чимина.

Тут Чао Чимин окончательно потерял самообладание:

— Отдай одеяло!

Перехватив поданную стражем постель, он привычным движением швырнул ее на пол, затем рывком притянул стража к себе, забросил в объятия, потискал, нащупал удобное уткнулся носом ему в плечо и мгновенно провалился в сон.

Лань Сяочуань: !!!

И где же обещанное согревание ложа?

Глядя на крепко обнимающего его императора, Лань Сяочуань задрал голову к куполу из багряно-золотой черепицы. В следующую секунду налетел резкий порыв ветра, и единственная освещавшая комнату лучина погасла.

Прислушиваясь к грохоту собственного сердца в ушах, Лань Сяочуань понял, что уснуть не удастся ни за что на свете.

Куда, спрашивается, положить руки?

Если положить их на императора, не сочтут ли это за дерзость?

Обнять императора за талию? Похоже, это единственная поза, в которой лежать хоть сколько-нибудь удобно. Но вдруг завтра император прикажет отрубить ему руки за такую вольность? По слухам, правитель отличался жестоким нравом.

Может, вскинуть руки высоко над головой?

В раздумьях Лань Сяочуань почувствовал, как на него накатывает волна сонливости. Перед тем как провалиться в сон, он машинально подумал: если сейчас явятся убийцы, как он станет защищать императора? Ведь все его оружие валяется на полу.

Наутро Лань Сяочуань проснулся очень рано. Будучи теневым стражем, он обладал чутким сном, да и привык вставать в это время на тренировки.

Он приподнял длинные ресницы, моргнул еще не до конца проснувшимися затуманенными глазами, в которых плескалась остаточная дремота, но уже усердно пытался подняться.

Он невольно чуть приподнял голову и обо что-то стукнулся переносицей. Во что это он врезался? Твердое такое, аж немного заболело.

Разум мгновенно вернулся к нему. Он опустил взгляд на себя, затем на делящего с ним одно одеяло императора — и душа у него ушла в пятки.

Поза, в которой они переплелись, выглядела донельзя срамной.

Неудивительно, что ему было так тепло, словно он прижался во сне к маленькой печке: он забился прямо в объятия императора, обвив его руками и ногами, словно спрут, да еще и уткнулся подбородком ровно в подбородок Чао Чимина. Неудивительно, что при попытке вскинуть голову он тут же обо что-то ударился. К тому же он придавил Чао Чимина всем телом, намертво вцепившись руками ему в талию, а его собственные бесстыжие ноги перекинулись поверх ног повелителя.

Увидев столь пикантную картину, Лань Сяочуань едва не захлебнулся кровью из носа.

Под сексуальной белой кожей молодого императора перекачивался тонкий слой мышц, в которых сквозили безупречная сила и красота; на его груди не было ни грамма лишнего жира, а одежда сидела на теле свободно, излучая чувственность, сдержанность и вместе с тем скрытую агрессию.

Лань Сяочуань покосился на собственную руку — она покоилась в неподобающем месте, там было горячо и упруго.

Вздвогнув, он немедленно отдернул ладонь.

Это, это ведь не его вина! Император сам велел ему согреть ложе минувшей ночью, он и сам понятия не имел, как они приняли такую позу. Клянется, он честно держал руки поднятыми над головой!

Неужели всё дело в его скверной манере спать, раз его угораздило скатиться в объятия императора? Больше десятка лет он спал в одиночку и просто не подозревал, что его сон может быть настолько безобразным.

Лань Сяочуань украдкой попытался высвободить ногу, обвитую вокруг Чао Чимина, но, на беду, другую его ногу мертвой хваткой зажали бедра императора.

Пока он отчаянно пытался выпутаться, его взгляд случайно столкнулся с внезапно распахнувшимися хищными глазами. Прекрасные, заостренные на концах пронзительные очи

сейчас излучали убийственный холод.

— Сглотнул, — Лань Сяочуань посмотрел на это невероятно притягательное, полное агрессивной красоты лицо и невольно сглотнул слюну. Он испуганно съежился, одновременно с этим зачарованный омутом, таящимся в чужом взгляде.

Хотя все вокруг твердили, что нрав у Чао Чимина свирепый, словно у разъяренного льва, нельзя было отрицать его потрясающую внешность. Дикая, необузданная красота, заложенная в самой его сути, не позволяла никому относиться к нему с пренебрежением — просто его деспотичные, властные и жестокие методы правления заставляли людей забывать о его чрезмерной привлекательности.

— С самого утра ерзаешь, намеренно меня соблазняешь, да? — окинув взглядом круглые, широко распахнутые звездчатые глаза теневого стража, в которых плескалась кристальная ясность, замешанная на непроходимой глупости, Чао Чимин почувствовал, как только что вспыхнувшая ярость немного улеглась. Но спустя мгновение гнев накатал с новой силой.

— Нет... я не... — тихо пробормотал Лань Сяочуань, силясь оправдаться.

— Еще говоришь, не пытаешься! Ты же специально терся об меня! — свирепо зыркнул на него Чао Чимин. Он никак не ожидал, что этот теневой страж окажется настолько дерзким и вынашивает столь подлые замыслы.

— Слушай сюда! Подобными фокусами мое внимание не привлечь, можешь и не мечтать! Советую тебе как следует исполнять обязанности теневого стража, иначе я отправлю тебя обратно в лагерь для тренировок, — зловеще процедил Чао Чимин.

Он перевернулся, придавливая маленького стража к постели, и, вглядываясь в его затуманенные сонные глаза, которые делались всё более обиженными, ощутил вспыхнувшее с новой силой озорное желание как следует поиздеваться над ним.

Для теневого стража кожа этого парня была слишком нежной. Стоило ему лишь слегка потереть фарфорово-белые детские щечки, как они тут же заливались густым румянцем, словно над ними надругались.

Его ярко-алые, подобные рубинам губы чуть шевельнулись, явно собираясь что-то произнести.

— Если вздумаешь отпираться, я не премину отправить тебя в глубокий застенок на перевоспитание, — лениво бросил Чао Чимин, прежде чем Лань Сяочуань успел раскрыть рот. Он приподнял угольно-черные ресницы, а уголки его губ тронула улыбка.

Лицо Лань Сяочуаня сморщилось, превратившись в жалкую маску отчаяния:

— Слушаюсь, во всем виноват подчиненный.

От обиды на глаза его необыкновенно красивых глаз навернулись слезы, но возражать Чао Чимину он не смел — ему совсем не улыбалось отправляться в темницы и воочию узнавать, как во дворце расправляются с непослушными стражами.

<http://bllate.org/book/21016/2136506>